

Поднялось в воздух, расправив крылья,
потом упало на землю, и крылья пре-
вратились в плащ, туго обтягивающий
тело человека.

Фрэнк Миллер. Бэтмен

Валла

1

Сидней, мистер Кенсингтон и три звезды

Что-то было не так.

Служащая паспортного контроля широко улыбнулась:

— How are you, mate?¹

— I'm fine², — соврал Харри Холе.

Тридцать часов назад он вылетел из Осло, сделал пересадку в Лондоне, потом еще одну в Бахрейне и последние часы провел на этом проклятом сиденье перед запасным выходом. Из соображений безопасности ему пришлось всю дорогу до Сингапура сидеть в самой неестественной позе, и он лишь чудом не вывернул себе позвоночник.

Женщина за столом перестала улыбаться и принялась с большим интересом исследовать его паспорт. Что ее так заинтересовало — фотография или почерк, — сказать было трудно.

— Business?³

Раньше Харри Холе полагал, что таможенные офицеры во всем мире из вежливости добавляют «сэр», но потом он прочитал, что подобные формальности в Австралии широкого распространения не получили. Ну и ладно. Харри не так ча-

1 Привет, как долетели? (англ.)

2 Хорошо (англ.).

3 Деловая поездка? (англ.)

сто путешествовал и снобом не был. Все, что ему нужно, — это гостиничный номер и постель, и чем скорее, тем лучше.

— Yes. — Харри забарабанил пальцами по столу.

Тут губы ее скривились, а в голосе послышались визгливые нотки:

— Why isn't there a visa in your passport, Sir?¹

Сердце его подскочило, будто предчувствуя катастрофу. Может, слово «сэр» здесь используют, только когда ситуация накаляется?

— Sorry, I forgot², — пробормотал Харри, лихорадочно роясь во внутренних карманах. И почему специальные визы не проставляют в паспорте, как обычные?

У кого-то в очереди за его спиной зажужжал мобильный. Харри знал, что это его сосед по самолету: у того еще во время полета то и дело звучала одна и та же мелодия. Ну почему он такой дурак, никогда не может запомнить, в какой карман кладет вещи? Было тепло, хотя наступил вечер — без нескольких минут десять. У Харри засвербило в затылке.

Наконец документ отыскался, и Харри выложил его на стол.

— Police officer, are you?³ — Женщина оторвала взгляд от визы и изучающе взглянула на него. Ее лицо приняло прежнее выражение. — Надеюсь, у нас не убили каких-нибудь норвежских блондинок. — Она громко рассмеялась и поставила на визу штамп.

— Well, just one⁴, — ответил Харри Холе.

1 А почему в вашем паспорте не проставлена виза, сэр?
(англ.)

2 Простите, забыл (англ.).

3 Вы полицейский? (англ.)

4 Только одну (англ.).

Зал ожидания был набит представителями туристических компаний и водителями, и каждый держал над собой табличку с чьим-то именем, но своего Харри не обнаружил. Он уже решил было взять такси, когда вдруг увидел чернокожего мужчину в светлых джинсах и гавайской рубашке. У него был необычайно широкий нос и темные курчавые волосы. Расчищая себе путь между табличками, он шел прямо к Харри.

— Я полагаю, мистер Хоули? — с победным видом спросил он.

Харри Холе сообразил не сразу. Он уже настроился первое время в Австралии поправлять тех, кто будет читать его фамилию как «Хоул» — «дырка». Но варианта «мистер Хоули» — «господин Святоша» — он никак не ожидал.

— Эндрю Кенсингтон, — с ухмылкой представился мужчина и словно тисками сжал ладонь Харри своей ручищей. — Добро пожаловать в Сидней, надеюсь, вам понравился полет.

Его казенно-приветливый голос звучал эхом слов, двадцать минут назад произнесенных стюардессой.

Мужчина взял потрепанный чемодан Харри и, не оглядываясь, пошел к выходу. Харри следовал за ним.

— Вы из сиднейской полиции? — завел разговор Харри.

— Точно, приятель. Берегись!

Дверь ударила Харри прямо по носу, так что на глазах выступили слезы. Хорошее начало для низкопробной комедии! Норвежец потрогал нос и выругался на родном языке. Кенсингтон посмотрел на него сочувственно.

— Пакостные тут двери, верно? — сказал он.

Харри промолчал. Он не знал, как в Австралии отвечают на подобные вопросы.

На стоянке Кенсингтон открыл багажник маленькой, выдавшей вида «тойоты» и аккуратно положил туда чемодан.

— Хочешь сесть за руль? — удивился он.

Харри обнаружил, что стоит у двери водителя. Выходит, в Австралии левостороннее движение. Другое переднее сиденье было завалено бумагой, кассетами и прочим хламом, и Харри решил разместиться сзади.

— Вы, наверное, абориген? — спросил Харри, когда они выехали на шоссе.

— Я вижу, тебя не проведешь. — Кенсингтон бросил взгляд в зеркало.

— В Норвегии мы называем вас «австралийскими неграми».

Кенсингтон еще раз посмотрел в зеркало.

— Вот как?

Харри почувствовал себя неуютно.

— Э-э, я просто хотел сказать, что ваши предки, похоже, не из тех английских каторжников, которых привезли сюда двести лет назад, — пояснил он, надеясь, что хоть какие-то познания из истории страны послужат ему оправданием.

— Это верно, Хоули, мои предки приехали малость пораньше. Четыре тысячи лет назад, если быть точным.

Кенсингтон снова посмотрел в зеркало, и Харри пообещал себе не болтать лишнего.

— Ясно. Можешь называть меня Харри.

— Идет, Харри. А меня можешь звать Эндрю.

Всю дорогу Эндрю говорил. Довезя Харри до Кингс-Кросс, он тут же поведал, что этот район славится проституцией, наркоманией и прочими темными делишками. Каждый второй публичный скандал в городе так или иначе связан с гостиницей или

ночным клубом, расположенными на этом клочке земли величиной в квадратный километр.

— Вот мы и приехали, — внезапно заключил Эндрю.

Он подъехал к тротуару, выскочил из машины и достал из багажника чемодан Харри.

— До завтра, — бросил Эндрю напоследок и укатил в своей машине.

Харри оказался перед крикливой вывеской «Отель «Кресент», спина у него затекла, суточный ритм сбился, и в этом городе, где населения было не меньше, чем во всей Норвегии, он почувствовал себя жутко одиноким. Рядом с названием отеля стояли три звездочки. Полицейское начальство в Осло не слишком пеклось об удобствах своих подчиненных. Но в конце концов, все не так плохо. Здесь должны быть скидки для государственных служащих и проживающих в самом маленьком номере, подумал Харри.

Он был прав.

2

Тасманийский дьявол, клоун и шведка

Харри осторожно постучал в дверь начальника Южного полицейского округа Сиднея.

— Войдите, — прогремело оттуда.

У окна позади дубового письменного стола стоял дружелюбный великан с брюшком. Из-под копны подрастерявших былое обаяние волос торчали кустистые брови, глаза улыбались.

— Харри Хоули из Норвегии, из Осло, сэр.

— Присаживайся, Хоули. Еще рано, а вид у тебя помятый. Часом, не навещался к здеш-

ним ребятам насчет наркотиков? — Нил Маккормак от души рассмеялся.

— Это из-за разницы в часовых поясах, — пояснил Харри. — Сегодня я проснулся в четыре утра и так и не смог уснуть.

— Да-да, конечно. Я пошутил, только и всего. Знаешь, у нас тут пару лет назад десятерых полицейских судили, в том числе за то, что они приторговывали наркотой, своим же и продавали. А заподозрили их потому, что кое-кто из них сутки напролет был вот таким подозрительно вялым. Вообще-то с этим шутки плохи, — добродушно добавил он, надевая очки и приводя в порядок бумаги на столе. — Значит, тебя направили сюда, чтобы ты помог расследовать убийство Ингер Холтер, гражданки Норвегии, работавшей в Австралии. Волосы светлые, черты лица привлекательные — если верить фотографиям. Двадцати трех лет, верно?

Харри кивнул. Маккормак посерьезнел:

— Ее нашли рыбаки на берегу залива Уотсона, а конкретнее — в парке Гэп. Она была наполовину раздета, судя по всему, ее сначала изнасиловали, потом мучили, но следов спермы не обнаружено. Затем под покровом ночи ее перевезли в парк, где сбросили со скалы. — Его лицо сморщилось. — Будь погода похуже, тело унесло бы в море, но оно так и осталось лежать среди камней до следующего утра. Спермы не осталось, потому что половые органы были полностью вырезаны, а море смыло все следы. По этой же причине мы не смогли найти отпечатков пальцев. Зато установили примерное время смерти... — Маккормак снял очки и провел рукой по лицу. — Но мы не знаем, кто убийца. И какого черта в это дело лезешь ты, Хоули?

Харри собрался было ответить, но не успел.

— Разумеется, ты хочешь наблюдать за ходом расследования, пока мы не найдем этого подонка, а попутно рассказывать норвежской прессе, как славно мы работаем вместе. А поскольку нам не хочется связываться с норвежским посольством и всем, что до него касается, придется с этим мириться, так что считай свое пребывание здесь просто отпуском и пошли пару открыток своей начальнице. Кстати, как у нее дела?

— Да вроде нормально.

— Она у вас что надо! И что она сказала насчет твоей роли?

— То и сказала. Участие в расследовании...

— Отлично. Забудь. Здесь правила другие. Первое: с этого момента подчиняешься мне, мне и только мне. Второе: ни во что не лезешь, если только я сам не попрошу. И третье: шаг в сторону — и ты летишь домой первым же самолетом.

Все это говорилось с улыбкой, но смысл был ясен: не суйся, куда не просят, ты просто наблюдатель. Надо было захватить с собой плавки и фотоаппарат!

— Я слышал, в Норвегии Ингер Холтер была своего рода телезнаменитостью?

— Не такой уж знаменитостью, сэр. Пару лет назад она была телеведущей в молодежной программе. Но сейчас ее мало кто помнит.

— Да, мне говорили, что это ваши газетчики подняли шумиху вокруг ее убийства. Норвежские журналисты уже здесь. Мы им сказали все, что знаем, а это не слишком много, так что им скоро станет скучно и они отбудут домой. О твоём приезде им не сообщали, у нас хватает своих людей, чтобы с ними нянчиться, так что можешь об этом забыть.

— Очень признателен, сэр.

Харри действительно был рад, что ему не придется отбиваться от надоедливых норвежских репортеров.

— А теперь, Хоули, давай поговорим начистоту. От начальства мне известно, что власти Сиднея желают, чтобы убийство раскрыли как можно быстрее. Естественно, тут все дело в политике и экономике.

— В экономике?

— Подсчитано, что безработица в городе к концу года перевалит за десять процентов, на счету каждый цент, полученный от туризма. На носу Олимпиада-2000, растет поток туристов из Скандинавии. А убийства, особенно нераскрытые, — плохая реклама для города. Поэтому мы стараемся изо всех сил: работает следственная группа из четырех человек, имеющих в своем распоряжении все базы данных, технический персонал, экспертов-криминалистов. И так далее.

Маккормак достал какой-то документ и, хмурясь, просмотрел его.

— Собственно, ты должен был работать с Уодкинсом, но раз уж сам попросил дать тебе Кенсингтона, я не вижу причин отказывать.

— Сэр, я не знаю...

— Кенсингтон — хороший парень. Мало кто из аборигенов достигает таких высот.

— Почему?

Маккормак пожал плечами:

— Ну, так уж оно выходит. Итак, Хоули, если что, помни о нашем разговоре. Вопросы есть?

— Кое-какие формальности, сэр. К старшему по званию здесь принято обращаться «сэр», или это чересчур...

— Официально? Да, пожалуй. Но мне нравится. По крайней мере, чувствуешь, что ты здесь все

еще начальник. — Маккормак снова расхохотался и на прощание крепко пожал Харри руку.

— В январе в Австралии туристический сезон, — объяснил Эндрю, пробираясь сквозь поток машин у набережной Сёркулар. — Все приезжают посмотреть на Оперный театр, прокатиться по гавани на лодке и поглазеть на загорающих на Бонди-Бич. Но ты, к сожалению, должен работать.

Харри пожал плечами:

— Да мне как-то все равно. Признаться, от подобных увеселений меня с души воротит.

«Тойота» выбралась на Новое Южное шоссе и помчалась на восток, в сторону залива Уотсона.

— Восточная часть Сиднея — не то что захудалый Ист-Энд в Лондоне, — говорил Эндрю, между тем как за окном мелькали дома, один богаче другого. — Этот район называется Дабл-Бей — Двойная бухта. Но мы зовем его Дабл-Пей — Двойная плата.

— А где жила Ингер Холтер?

— Некоторое время она со своим парнем жила в Ньютауне. Потом они разъехались, и она поселилась в однокомнатной квартире на Глиб-Пойнтроуд.

— Что за парень?

Эндрю пожал плечами:

— Австралиец, инженер-компьютерщик. Они познакомились пару лет назад, когда она приезжала сюда отдохнуть. У него хорошее алиби, к тому же он вовсе не похож на убийцу. Хотя как знать.

Они остановились возле парка Гэп, одного из многочисленных зеленых массивов Сиднея. Крутые каменистые дорожки вели в продуваемый ветрами парк, откуда открывался вид на залив Уотсона на севере и Тихий океан на востоке. Стоило полицейским открыть двери автомобиля,

как на них дохнуло теплом. Эндрю надел большие солнцезащитные очки, и Харри подумал, что теперь он похож на воротилу порнобизнеса. Сегодня австралиец почему-то натянул на себя тесный костюм, и Харри было забавно смотреть, как этот черный широкоплечий человек шагает перед ним.

— Вот, Харри, это Тихий океан, — сказал Эндрю, когда они поднялись на высокий берег. — Следующая остановка — Новая Зеландия. До нее всего-то две тысячи мокрых километров.

Харри осмотрелся. На западе виднелся центр города с мостом через гавань, на севере — пляж и яхты в заливе Уотсона, а еще Мэнли, пригород на северной стороне залива. На востоке синими перееливами неба и воды играл горизонт. Прямо перед ними срывались вниз утесы, а далеко внизу обрывали среди камней свой долгий путь морские волны.

— Вот, Харри, сейчас ты стоишь на историческом месте, — объявил Эндрю. — В тысяча семьсот восемьдесят восьмом году англичане отправили в Австралию первую партию каторжников. Решено было поселить их в заливе Ботани, в нескольких милях к югу отсюда. Но потом милостивый капитан Филлип рассудил, что пейзаж там чересчур суровый, и послал лодку вдоль берега — выбрать местечко получше. Обогнув мыс, на котором мы сейчас стоим, они нашли лучший залив в мире. Немного погодя сюда прибыл и капитан Филлип, а с ним — одиннадцать кораблей, семьсот пятьдесят каторжников — мужчин и женщин, четыреста моряков, четыре роты солдат и провиант на два года. Но в этом краю не так легко жить, как кажется на первый взгляд. Англичане не умели ладить с природой так, как аборигены. И когда через два с половиной года приплыл еще один корабль с провизией, оказалось, что англичане почти вымерли от голода.

— Но похоже, со временем дела пошли лучше. — Харри кивнул в сторону зеленых вершин. От жары у него по коже стекали струйки пота.

— У англичан — да.

Эндрю сплюнул с обрыва. Они проследили взглядом путь жирного плевка, пока тот не пропал из виду.

— Ей посчастливилось, что к моменту падения она уже была мертва, — сказал Эндрю. — Пока тело падало, ударяясь о скалы, камнями из него вырывало куски.

— Сколько времени она была мертва, когда ее нашли?

Эндрю поморщился:

— Судмедэксперт установил, что сорок восемь часов. Но он...

По его жесту Харри понял, что доктор любит выпить.

— К тому же ты не доверяешь круглым цифрам?

— Тело нашли в пятницу утром, поэтому можно предположить, что смерть наступила в ночь на среду.

— Свидетели есть?

— Как видишь, машины можно ставить там, внизу. Ночью это место не освещено и людей здесь практически не бывает. До сих пор свидетелей не объявилось, и не думаю, что они вообще появятся.

— И что же нам делать?

— Мы сделаем, как мне сказал шеф: пойдем в ресторан и будем тратить государственные деньги. Как-никак ты сейчас самый высокий представитель норвежской полиции в радиусе двух тысяч километров. По меньшей мере.

Эндрю и Харри сели за столик, покрытый белой скатертью. Рыбный ресторан «Дойлз» находился на

берегу залива Уотсона, от моря его отделяла лишь узкая полоска пляжа.

— Ну как тебе? — поинтересовался Эндрю.

— Как в глянцевоm журнале.

На пляже перед рестораном мальчик и девочка возводили песчаный замок. За ними расстилось лазурное море, вдали высились величественные зеленые горы и небоскребы Сиднея.

Харри заказал эскалопы и тасманийскую форель, Эндрю — австралийскую камбалу, о которой Харри никогда раньше не слышал, и бутылку шардоне, «конечно, не подходящего для подобного случая, зато белого по цвету, приятного на вкус и приемлемого по цене». Он очень удивился, когда Харри заявил, что не пьет.

— Ты что, квакер? — спросил он.

— Ну вот еще! — отверг его предположение Харри.

Ресторан «Дойлз», пример старого семейного бизнеса, по словам Эндрю, считался одним из лучших в Сиднее. Сейчас посетителей в ресторане было много, чем Харри попытался объяснить то, что их долго не обслуживают.

— Здешние официанты похожи на планету Плутон, — нервно заметил Эндрю. — Двигаются по периферии, появляются раз в двадцать лет и абсолютно не заметны невооруженным глазом.

Харри не смог выдавить из себя ни капли желчи в ответ и просто откинулся на спинку стула.

— По крайней мере, здесь вкусно кормят, — признал он. — Ты поэтому так вырядился?

— И да, и нет. Как видишь, посетители здесь не при параде. Но я зарекся приходить в подобные места в футболке и джинсах. Костюм — хоть какая-то компенсация.

— В смысле?

Эндрю посмотрел на напарника.

— У аборигенов не такой уж высокий статус, как ты и сам заметил. Уже первые прибывшие сюда англичане писали, что местное население падко на спиртное, — сказал он.

Харри с интересом слушал.

— Считалось, что это у нас в крови. «Они только и могут, что дуть в длинные деревянные трубки, которые называют диджериду, производя адский шум», — писал один из них. Здесь хвалятся, что в Австралии удалось интегрировать несколько культур и создать благоустроенное общество. Но для кого оно благоустроенное? Вся беда или вся прелесть — с какой стороны посмотреть — в том, что местное население уже в расчет не принимают. Аборигены практически не участвуют в общественной жизни Австралии, кроме разве что политических вопросов, непосредственно затрагивающих интересы коренного населения и его культуры. Австралийцы охотно украшают свои дома произведениями туземного искусства. А самих туземцев чаще всего можно встретить в списках неимущих, самоубийц и заключенных. В Австралии у чернокожего в двадцать шесть раз больше шансов оказаться в тюрьме, чем у белого. Подумай над этим, Харри Хоули.

Эндрю допил вино, а Харри стал думать над этим. И над тем, что за свои тридцать два года он ни разу не ел рыбы вкуснее.

— Нет, расизма здесь не больше, чем в других странах. Австралия — поликультурная страна, здесь живут люди со всех концов света. Просто, чтобы пойти в ресторан, мне приходится надевать костюм.

Харри кивнул. Что тут скажешь?

— Я слышал, Ингер Холтер работала в баре?

— Да, конечно. Бар «Олбери» на Оксфорд-стрит в Паддингтоне. Я думаю, вечером можно будет туда наведаться.

— А почему не сейчас? — Харри начинала бесить вся эта неспешность.

— Потому что сначала надо поздороваться с хозяином.

Это было как внезапное явление Плутона на звездном небе.

Глиб-Пойнт-роуд оказалась уютной и не слишком деловой улицей, сплошь застроенной скромными ресторанчиками, в основном с национальной кухней.

— Когда-то здесь был богемный район Сиднея, — рассказывал Эндрю. — В семидесятых я жил совсем неподалеку. И до сих пор здесь можно найти вегетарианские рестораны для людей, свихнувшихся на охране природы и альтернативном образе жизни, а также книжные магазины для лесбиянок и много всего прочего. А вот старые добрые хиппи и «кислотники» перевелись. Чем популярнее делалась Глиб, тем дороже здесь становилось жить, и теперь я со своей зарплатой полицейского уже не могу себе этого позволить.

Они свернули направо, к Херфорд-стрит, и вошли в калитку с номером 54. Навстречу им с визгом выскочило мелкое косматое черное существо и оскалило мелкие острые зубки. Чудовище выглядело свирепым и поразительно напоминало иллюстрацию из туристического буклета: «Тасманийский дьявол. Агрессивен, мертвой хваткой вцепляется в горло. Вид на грани исчезновения». На последнее Харри очень надеялся. Но когда данный экземпляр бросился вперед с широко разинутой

пастью, Эндрю пинком отшвырнул его, и животное, скуля, отлетело в кусты.

Когда полицейские поднялись по лестнице, в дверях их встретил заспанный пузатый человек.

— Что вы сделали с моей псиной? — спросил он недовольно.

— Она наслаждается ароматом роз, — с улыбкой пояснил Эндрю. — Мы из полиции. Отдел убийств. Мистер Робертсон, если не ошибаюсь?

— Не ошибаетесь. Что вам еще нужно? Я уже сказал, что сказал все, что знаю.

— А теперь вы сказали, что сказали все, что сказали... — Эндрю умолк, но не перестал улыбаться.

Харри начал переминаясь с ноги на ногу.

— Извините, мистер Робертсон, не хочу вас сильно удивлять, но вот это — брат Ингер Холтер, и он желает осмотреть ее комнату. Если вас это, конечно, не затруднит.

Робертсон сразу переменялся в лице:

— Прошу прощения, я не знал... Проходите! — Он открыл дверь и стал подниматься по лестнице, показывая им дорогу. — Я ведь и не знал, что у Ингер есть брат. Но когда вы сказали, я сразу же заметил сходство.

За его спиной Харри обратил к Эндрю страдальческое лицо.

Комнату Ингер даже не пытались прибрать. Повсюду валялись одежда, журналы, полные пепельницы и пустые бутылки.

— Э-э, полицейские просили пока ничего не трогать.

— Понятно.

— Как-то вечером она просто не вернулась домой. Пропала.

— Спасибо, мистер Робертсон, мы об этом читали.

— Я говорил ей, что не надо ходить по дороге между Бридж-роуд и рыбным рынком, когда возвращаешься домой поздно. Там темно и много черных и желтых... — Он осекся и покосился на Эндрю Кенсингтона. — Извините, я не хотел...

— Все в порядке. Можете идти, мистер Робертсон.

Робертсон пошлепал вниз по лестнице, и полицейские услышали, как он открывает бутылку на кухне.

Итак, в комнате были кровать, несколько книжных полок и письменный стол. Осмотревшись, Харри попытался представить себе Ингер Холтер. Легче понять, если вжиться в шкуру потерпевшего. Он припомнил ту отвязную девчонку из телепрограммы, ее благие юные начинания и синий невинный взгляд.

Во всяком случае, на домоседку она не тянула и уж точно не собиралась проводить в гнездышке все свободное время. Картин в комнате не было, только афиша «Храброго сердца» с Мэлом Гибсоном. Харри запомнил этот фильм лишь потому, что он непонятно за что получил «Оскара». Ага, подумал полицейский, значит, в фильмах она разбиралась плохо. Как и в мужчинах. Сам Харри, подобно многим другим, считал, что со стороны Гибсона было просто предательством стать голливудской звездой.

Еще на стене висела фотография Ингер и каких-то волосатых и бородатых парней на скамейке перед ярко освещенным домом, похожим на салун. На ней было свободное сиреневое платье. Распущенные светлые волосы обрамляли бледное серьезное лицо. Она держала за руку молодого человека, который прижимал к себе ребенка.

На полке лежали пачка сигарет, несколько книг по астрологии и треснутая грубая деревянная маска с носом, напоминающим птичий клюв. Харри повертел маску в руках. На этикетке значилось: «Сделано в Новой Гвинее».

Та одежда, что не валялась на полу и на кровати, висела в небольшом платяном шкафу. Несколько хлопчатобумажных рубашек, старое пальто, а на верхней полке — большая соломенная шляпа.

Эндрю достал из ящика стола пачку папиросной бумаги и прочел надпись на упаковке:

— «Кинг сайз». Она сама скручивала себе курево.

— Наркотиков здесь нет? — спросил Харри.

Эндрю покачал головой и указал на папиросную бумагу:

— Но если порыться в пепельницах, бьюсь об заклад, найдутся следы марихуаны.

— Почему же не порылись? Сюда приходила следственная группа?

— Ну, во-первых, у нас нет оснований считать это местом преступления. Во-вторых, ни к чему поднимать шум из-за марихуаны, в Новом Южном Уэльсе отношение к ней куда более терпимое, чем в других штатах Австралии. Не исключено, что наркотики могут иметь отношение к убийству, но я так не думаю. Может, она принимала и более сильные наркотики — кто знает? В баре «Олбери» бывают наркодилеры, но ни один из тех, кого мы допросили, ничего такого не говорил. В крови у нее тоже ничего не обнаружили. Так или иначе, тяжелой наркотой она не баловалась. Следов от уколов на теле нет, да и за всеми этими шайками мы приглядываем.

Харри взглянул на него, и Эндрю откашлялся:

— Но основная версия у нас есть. И еще кое-что, с чем ты мог бы помочь нам разобраться.

Он протянул Харри письмо. Оно начиналось словами «Дорогая Элизабет» и явно не было закончено. Харри пробежал его глазами:

«Да-да, у меня все хорошо, а лучше всего то, что я влюбилась! Разумеется, он безумно красив, у него длинные каштановые кудри, узкие бедра и взгляд, в котором читаешь то, что он уже шептал тебе: он хочет овладеть тобой сейчас и прямо здесь — за ближайшей стеной, в туалете, на столе, на полу, где угодно. Его зовут Эванс, ему тридцать два, он (приготовься!) уже был женат, и у него есть милый сынишка Том-Том, которому полтора года. Сейчас он пока нигде не работает, так, делает кое-что для себя.

Да, знаю, ты предчувствуешь проблемы! Обещаю не сломаться. По крайней мере, сейчас.

Ну, хватит об Эвансе. Я по-прежнему работаю в «Олбери». С тех пор как однажды вечером в бар зашел Эванс, «мистер Бин» больше не подкатывает ко мне. А это прогресс. Но он по-прежнему ходит за мной по пятам и вечно на меня глазеет. Черт! Честно говоря, я начинаю уставать от этой работы, главное теперь — продержаться, чтобы мне продлили вид на жительство. Я говорила с НРК, они планируют возобновить передачу со следующей осени и приглашают меня в ней участвовать. Опять приходится решать!»

На этом письмо обрывалось — ни подписи, ни даты.

На прощание Харри благодарно пожал Робертсону руку, а тот с сочувственным поклоном сказал, что Ингер была хорошей девушкой и замечательной

квартиранткой, да, настоящим украшением всего дома, а может, и всех домов в округе, кто знает? От Робертсона пахло пивом, язык у него заплетался. По пути к калитке полицейские услышали слабый вой: из розовых кустов за ними следила пара испуганных глаз.

Они решили закусить в многолюдном вьетнамском ресторане в бухте Дарлинг. Там было полно азиатов, судя по всему завсегда, — с официантом они разговаривали на непонятном языке с невыносимым чередованием высоких и низких тонов.

— Похоже, они время от времени вдыхают гелий, чтобы разговаривать, как Дональд Дак, — сказал Харри.

— Не любишь азиатов? — поинтересовался Эндрю.

Харри пожал плечами.

— Любишь — не любишь. Сам не знаю. Скажем так, у меня нет причин их не любить. Вроде бы честные, трудолюбивые люди. А ты что скажешь?

— Многие азиаты хотят переехать в Австралию, но отнюдь не всем нравится здесь жить. Я против них не выступаю. По мне, пускай приезжают.

Харри показалось, что он понял подтекст: «Все равно мой народ уже потерял эту землю».

— Меньше года назад азиатам и мечтать не приходилось о том, чтобы получить здесь вид на жительство: власти по мере сил пытались сохранить страну для белых. Официально — чтобы избежать крупных межнациональных конфликтов, ведь попытки «ассимилировать аборигенов в социум» обернулись, мягко говоря, неудачей. Но потом японцы предложили свои инвестиции, и власти запели по-новому. Вдруг оказалось, что

нельзя изолироваться от мира, а надо все делить с соседями. Ближайший наш сосед — Азия. Вскоре Япония стала основным торговым партнером Австралии, обогнав США и Европу. Японские компании начали строить отели вдоль Золотого берега до самого Брисбена. Теперь там японские директора, повара и администраторы, а австралийцам достались места горничных и помощников официанта. И протеста с их стороны ждать уже недолго. Кому же понравится быть на побегушках в собственной стране?

— И твоему народу это не нравится, верно?

Улыбка Эндрю стала свирепой:

— Европейцы никогда не просили у аборигенов вид на жительство.

Харри взглянул на часы. До открытия бара «Олбери», где работала Ингер Холтер, оставалось не больше двух часов.

— Ты не хочешь сначала заехать домой? — спросил он.

Эндрю покачал головой.

— Кого я сейчас там найду, кроме себя?

— Сейчас?

— Ну да. Это «сейчас» длится уже десять лет. Я разведен. Жена живет в Ньюкасле вместе с дочками. Я стараюсь навещать их почаще, но это далеко, да и девчонки скоро вырастут — по выходным им будет не до меня. В их жизни появятся и другие мужчины. Одной четырнадцать, другой пятнадцать. Маленькие красивые плутовки. Черт! Всякому, кто только подойдет к их двери, не поздоровится!

Эндрю широко улыбнулся. Этот человек не может не нравиться, подумал Харри.

— Так уж мир устроен, Эндрю.

— Это верно, приятель. А у тебя как?

Литературно-художественное издание

Ю Несбё Нетопырь

Редакторы Е. Гуляева, Е. Чевкина
Корректоры Д. Гуляев, Т. Филиппова, К. Каревская
Технический редактор Л. Синицына
Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” –
обладатель товарного знака “Издательство Иностранка”
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО “Издательская Группа “Азбука-Аттикус” в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП “Издательство “Махаон-Украина”
Тел./факс (044) 490-99-01
e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

16+

Подписано в печать 19.07.2018. Формат 75 × 100/32.
Бумага газетная пухлая. Гарнитура “Журнальная”.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,68.
Доп. тираж 5000 экз. В-NUP-16991-12-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО “ИПК Парето-Принт”. 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru